

EDN: VBZDDY

Редакторская заметка

Editorial

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Необходимо сделать два предварительных замечания о характере проблемы, первое из которых относится к вере в науку в советский период и к утрате этой веры в постсоветское время, что прямо и непосредственно сказывается на том, как формируется и осуществляется научная политика.

С советского периода российской истории в государственных документах в области научной политики постулируется её научная обоснованность. В советское время эта аксиома имела принципиальный характер, т. к. постулаты марксизма-ленинизма, имевшего статус государственной идеологии, претендовали на научный характер и в соответствии с ними идеологизированные практики объявлялись научно обоснованными. Это относилось к организации труда в советском обществе (она так и называлась: НОТ – научная организация труда), к планированию развития народного хозяйства, к государственному управлению, образовательной деятельности, военному делу и т. д. Всё должно было осуществляться на основе науки. И если вся политика советского государства расценивалась им самим как научно обоснованная, то тем более это относилось к политике в области развития науки.

В постсоветский период идеологический смысл аксиомы о научно обоснованном характере научной политики исчез. Но ритуальная фраза об этом сохранилась в государственных документах, независимо от их интеллектуального уровня. В научном сообществе практически невозможно встретить человека, занимающегося изучением научной политики и управления наукой, считающего проводимую в постсоветский период научную политику научно обоснованной. Существует очевидное противоречие между оценкой существующей научной политики субъектом управления и её оценкой со стороны науки. Но ложная самооценка власти – это поверхностный слой проблемы, т. к. давно известно, что правящий класс всегда имеет ложные представления о самом себе (К. Маркс называл идеологию иллюзиями класса о самом себе). Более глубокий слой проблемы заключается в том, что сама принципиальная возможность научного обоснования какой-либо политики, в т. ч. и научной, не является бесспорным фактом. Это не вопрос об уровне и качестве существующих документов, в т. ч. в области стратегического планирования научно-технологического развития, а вопрос о принципиальных возможностях самой науки по научному обоснованию политики в области развития науки и вопрос о способности управляющей системы воспринимать научное обоснование

и руководствоваться им. Речь идёт не о вере или неверии в науку. Требуется критический анализ научной политики даже в тех случаях, когда её научная обоснованность не только постулируется, но и выглядит внешне правдоподобно.

Второе замечание связано с практическими последствиями теоретических рассуждений. Вопрос о принципиальной возможности или невозможности научного обоснования научной политики – это не только теоретический, но и практический вопрос, т. е. вопрос либо об организации деятельности по научному обоснованию политики, либо об отказе от этого как от заведомо неосуществимого и не имеющего смысла. От ответа на этот вопрос и от востребованности/невостребованности деятельности по научному обоснованию научной политики зависит, будут ли использоваться возможности науки при формировании научной политики. Если наука принципиально бесполезна при формировании научной политики, то она собственно и не нужна. Государственная власть, формирующая научную политику на основе отношения к ней как заведомо бесполезной, самое большее может лишь имитировать её использование, если этого требуют какие-то приличия.

Е. В. Семёнов,
доктор философских наук